

«грозный» конь и др.; подобно сказкам и в Повести можно подметить местами ритмичность речи и стремление к созвучиям-рифмам: «В конюшне стояше — повинных к нему меташе», «много дивися царскому на коне сиденью — и чудного коня течению»; и обещанная Михаилом за укрощение коня награда Василию также напоминает обычную награду за подвиг (кстати сказать, непосильный для обыкновенного человека и у нас, как и в сказках): полцарства, в тех же сказках; близка к сказочной и гиперболою: Василий убивает пятьсот стрельцов во дворе, а того больше в сених и на крыльце. Заключительная фраза Повести также в духе «исхода» сказок: «царь же Василий-извозник всем Цареградом владеа многое время» (ср. что-нибудь в сказках вроде: Так Иван-царевич царем стал и царил до старости . . .). Самый же мотив о том, как человек низкого происхождения (иногда при том считающийся дурнем) достигает высокого положения (чаще всего становится царем) — ходячий международный мотив, широко распространенный в той же русской сказке.¹

В согласии с таким характером Повести оказывается и ее язык в собственном смысле этого термина: он близок по словарю и по формам к произведениям устной словесности и живой речи: славянизмов книжной речи в нем очень немного, да и те почти исключительно ходячие, шаблонные (каковы, напр.: аще, зело, вельми, аористы от глагола «ити» и сложных с ним), и самое их употребление говорит о небольшом навыке в пользовании формами книжной речи: писавший путает окончания единственного и множественного числа.²

Обобщая сказанное о характере нашей Повести, мы можем видеть в ней образчик нарождающейся повести нового типа, отличного от старшего: создателем ее руководит не правоучительная, тем менее религиозная цель, его интересует прежде всего занимательность сюжета, самый рассказ, т. е. перед нами произведение повествовательного характера, новелла, в том чисто литературном смысле, какой повесть приобретает

¹ См. хотя бы у Афанасьева, Русск. нар. сказки, №№ 78, 79, 80, 83 и т. д. Ср. еще, напр., грузинскую сказку (идущую от русской) о том, как Петр В. стал царем из кучеров (Сборн. для описания местностей и племен Кавказа, X, 47; ср. И. Н. Жданова, Былевой эпос, стр. 56—57 прим.).

² Такого рода неумелое употребление старых книжных форм, показывающее ослабление старой традиции церковной письменности в среде грамотных людей, уже иначе смотрящих на писание, подходящих к произведению более с литературной стороны, характерным становится уже в XVIII в., но зачатки этого намечаются таким образом уже в XVII в., когда под влиянием Запада началось «обмирщение» всей литературы, прежде всего чегьей, в частности, наиболее близкой к жизни повествовательной письменности. Таким образом наша Повесть — один из довольно ранних фактов этого порядка.